

В. И. Пятак

ОБРАЗ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ В СОВЕТСКОМ ДИСКУРСЕ: ИСТОРИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА И МИФОЛОГИЯ

Все нижеследующее не более чем заметки о Дальнем Востоке, а точнее, о его образе. Материал распадается на две части. В первой речь пойдёт о мифологеме «пустой земли», во второй – о специфике дальневосточного самосознания.

1. Дальний Восток России: мифологема «пустой земли»

«Прошло уже триста с лишним лет, как здесь впервые на диких свободных землях ступила нога русского человека. Первый отважный землепроходец, завидев здешние места, никем не занятые и никем еще не освоенные, сразу же сердцем прикипел к ним. И нельзя уже было с того момента истребить мечту русского народа об освоении и преобразовании края» [1, 6]. Разумеется, все это неправда. И про «дикие свободные земли никем не занятые и никем не освоенные», и про русского человека, «сразу же сердцем прикипевшего» к этим местам, и про мечту русского народа «об освоении и преобразовании края». Но нас здесь интересует другое: сам этот миф о диком, никем не занятом, пустом пространстве. Приведем несколько цитат: «Комсомольск – воплощение мужества, героизма, беспримерного трудового подвига... Не хватало самых примитивных инструментов, палаток, одежды... мы вели борьбу с тайгой, холодом, болотами, куриной слепотой, цингой» – вспоминает первостроитель [1, 311]. Но «... тайга, напуганная молодым задором и энтузиазмом комсомольцев – отступила под напором большевистской воли» [1, 311].

«Дальний Восток – гигантская строительная площадка. Руководит строительством в крае ЦК ВКП (б) и лично товарищ Сталин» [1, 283]. «Надо чтобы сюда, на Дальний Восток, шли молодёжь, комсомольцы, зажженные стремлением пробудить к жизни его богатства, укрепить его на случай посягательств врага и нести с собой знания, культуру, науку, технику» (из обращения Дальневосточного крайкома ВЛКСМ ко всем краевым и областным комитетам страны) [1, 280].

В советском пропагандистском дискурсе Дальний Восток – это пространство борьбы со стихией и победа разума и воли над этой стихией.

Можно, конечно, думать, что советский идеологический дискурс инокультурен и не нужно сравнивать разные дискурсы между собой. При проведении этой, культурологической, позиции все они скажутся равноценными, имеющими одинаковые права на существование, и мы попадем в безбрежное море релятивизма, где все – культура. Для выполнения процедуры сравнения нужно занять философскую позицию, которая предполагает абсолютную точку отсчета, каковой является человек как трансцендирующее, проективное существо, т. е. человек в бесконечном потенциальном многообразии своих сил и способностей. При таком подходе приходится признать, что советский идеологический дискурс принципиально антикультурен: как разновидность рационалистического, рассудочного, просветительского дискурса он все пытается поставить под свой контроль, для него нет непознаваемого, есть лишь пока не познанное. Между тем, подлинная культура природе не побеждает и цели такой перед собой не ставит.

Итак, пустое пространство Дальнего Востока надо осваивать. Это освоение мыслится как покорение; во-вторых, в пустом пространстве нет прошлого, нет истории, все начинается с чистого листа. Собственно, так и должно быть: рационалистическая утопия не нуждается в истории. История, исторически сложившиеся структуры мешают рациональности, т. к. история несет много беспокойного, разнообразного, не совсем удобного материала. Так, Декарт сравнивает науку с городом, в архитектуре и планировке которого отложилась его история. Здесь есть и великолепные здания, и скромные постройки, широкие улицы и узкие тупики. Переделывать и перестраивать все это нет смысла. Надо выстроить все заново исходя из единого плана, положив в основание единые принципы, единую волю [3, 256-257]. Именно отсутствие истории вызывает бурный рост мифологии, т. к. «миф восполняет семиотическую пустоту» [5, 283].

2. К вопросу о дальневосточной идентичности

До начала XX века понятие «Сибирь» включало территорию от Урала до Камчатки и употреблялось не столько в географическом, сколько в административном смысле. С созданием Приамурского генерал-губернаторства (1884 г.) произошло не только географическое отделение Дальнего Востока от Сибири, но и появились предпосылки для формирования дальневосточной идентичности. Но в чем она состоит, какова ее специфика и динамика? Специфика может быть установлена по отношению к чему-то. Скажем постсоветская идентичность по сравнению с советской. Но есть ли она, постсоветская дальневосточная идентичность? Может быть, продолжает сущест-

воват идентичность, сформированная в советское время? Советская же идентичность сформирована с оглядкой на Москву.

Так, мы говорим, что живем на Дальнем Востоке. Но, обратим внимание, географическое положение местности относительно говорящего в этом случае не указывается. Оно указывается относительно какой-то другой точки, каковой является, например, Москва. То есть в самом понятии «Дальний Восток» уже подразумевается наличие некоего внешнего, не дальневосточного наблюдателя.

То есть мы сами конструируем этот взгляд со стороны на самих себя. Это конструирование взгляда со стороны входит в дальневосточное самосознание и задано, скажем еще раз, уже исходно самим понятием «Дальний Восток».

Если Москва стала смотреть на себя глазами Европы (другой вопрос, какой образ Европы она для себя создает), то Дальний Восток смотрит на себя из Москвы и глазами Москвы.

Итак, человек Дальнего Востока заимствует для себя образ Дальнего Востока у Москвы. С этой позиции Дальний Восток – это Россия в Азии, часть России, передвинувшейся за Урал, форпост, край несметных богатств, стык и столкновение цивилизаций (Европы и Азии), край мужественных людей и прочее. В 1930-е годы это совпадает с тем, что Москва думает о значении Дальнего Востока для неё (образ меня для другого, с его точки зрения), поскольку и манипулятор и манипулируемый находятся в пространстве одного, общего им мифа [2].

Но если в советское время на Дальний Восток смотрели из Москвы как на форпост социализма на угнетенном Востоке, то в 90-е годы обнаружилось, что образ Дальнего Востока стал другим: для Москвы это Азия в России. Дальний Восток же по-прежнему считает себя Россией в Азии.

Как следствие возникает ощущение, что Дальний Восток не только бросили, но еще и «кинули» [2, 32].

Как бы то ни было присутствует момент какой-то искусственности, неограниченности, не самодостаточности дальневосточного самосознания.

Здесь, видимо, будет уместно привести соображения К. Кавелина о специфике российского «умственного строя»: «Наша мысль не умеет совладать с фактами, ... источник нашей умственной немощи в вековой привычке смотреть на себя чужими глазами, сквозь чужие очки... оттого наш собственный опыт остается непродуманным». И далее: «Наши взгляды, убеждения выведены нами не из нас самих и не из нашей истории... все, что мы думаем и говорим, находится в вопиющем разладе с совершающимися фактами и ходом нашей истории. Наша жизнь шла своей дорогой, а голова – своей» [4, 177].

Кавелин говорит о том, что мы думаем о себе в чужих понятиях, «живем чужими мыслями» [4, 180], выведенных из опыта другой, не нашей жизни. В этом случае «взгляд со стороны» ничего для самоопределения не дает; не дает возможности осознать свою специфику. Но в действительности дело еще запутаннее: мы можем, конечно, мнить, что смотрим на себя чужими глазами, что мы усвоили точку зрения Другого, но фактически этот чужой взгляд мы сами же для себя и создаем. И тогда ловим зайчики собственного отражения.

В качестве заключения скажем: жизнь на Дальнем Востоке заставила народ думать собственной головой, выводить взгляды и убеждения из собственной жизни. Что же касается сознания интеллигенции, так называемого культурного сознания, то обнаружить в нем дальневосточную специфику весьма проблематично. Это об интеллигенции сказано, что «наша жизнь идёт своей дорогой, а голова своей». Чтобы осознать свою специфику нужно выйти за пределы своего сознания, иметь дело не со своими представлениями о Другом, не с тем, что Другой думает о нас по нашему мнению, а с самим этим Другим. Как это возможно? Приходит в голову китайская мудрость: «совершенно мудрый должен быть пустым как бамбук». То есть речь идет о постоянной работе освобождения своего сознания от стереотипов, удобных и простых схематизмов мысли, о перемене ума. В конечном счете, речь идёт о свободе. Т. е. о подлинном сознании, а не о его имитациях.

В этом отношении миф и семантика российского Дальнего Востока являются двойной провокацией: они призывают к осмыслению дальневосточной идентичности (уже накопленной и продолжающей накопление) и вызывают к подлинной жизни акты национального сознания.

Литература

1. Амур – река подвигов. Изд. 3-е, доп. и перераб. – Хабаровск, 1983.
2. Бляхер Л. Е. Политические мифы Дальнего Востока // Полис, 2004, № 5. С.28-29.
3. Декарт Р. Соч. в 2 т. Т. 1.-М.: Мысль.1989.
4. Кавелин К. Д. Наш умственный строй.- М.: Изд-во «Правда»; 1989.
5. Лотман Ю. М. Символика Петербурга.//Внутри мыслящих миров. Человек-текст-семиосфера-история.- М.: «Языки русской культуры», 1996. С.275-295.